

Автор: Готорн Н.
Примечание: Переводчик неизвестен
Категории: Сказка, Детская литература,
Рассказ

СНЕГУРОЧКА

(Как дети сотворили чудо)

Однажды морозным зимним днем, когда после долгой непогоды холодным блеском засверкало солнце, двое ребятишек попросили у матери разрешения поиграть на свежевыпавшем снегу. Старшую из детей, маленькую девочку, за скромность, нежную прелесть и за то, что всем она казалась очень красивой, родители и знакомые называли Фиалкой. Брата же её за румянец на круглой рожице, напоминавший о солнце и больших алых цветах, называли Пионом. Необходимо сказать, что отец Фиалки и Пиона, некий мистер Линдси, торговец скобяными товарами, был превосходный человек, но лишенный всякой фантазии, твердо привыкший иметь, что называется, здравый взгляд на все окружающее. Сердце у него было почти такое же отзывчивое, как и у других людей, но нравом он отличался упрямым, и трудно было как-либо на него повлиять; возможно, поэтому голова мистера Линдси была пуста, как один из тех чугунных горшков, что продавались в его лавке. В его жене, напротив, сквозила какая-то поэтичность, черты духовной, не от мира сего, красоты - нежный цветок, который она сберегла с поры своей юности и который продолжал цвести в её душе, несмотря на прозу жизни и материнские заботы.

Итак, Фиалка и Пион, как я уже сказал в начале рассказа, попросились на улицу поиграть на свежевыпавшем снегу; тусклый и унылый, когда над ним нависало серое небо, теперь снег сверкал и искрился на солнце. Дети выросли в городе, и для игр у них не было более просторного места, чем маленький садик перед домом, где росли груши и две-три сливы, свисавшие через белый забор на улицу, да несколько кустов роз, посаженных прямо перед окнами гостиной. Теперь все деревья и кусты стояли обнаженные, ветви их были слегка припорошены снегом - как будто покрыты какой-то особенной зимней листвой, а вместо плодов тут и там висели сосульки.

- Да, Фиалка, да, мой маленький Пион, - сказала их добрая мать, - вы можете пойти поиграть на снегу.

И заботливая женщина одела малышей в шерстяные куртки и подбитые ватой пальто, повязала им шерстяные шарфы, натянула полосатые гамашы на каждую пару маленьких ножек, а шерстяные рукавички - на руки и наделила каждого в напутствие поцелуем, словно этим она хотела наложить заклятие на посягательства Мороза Красного Носа. Дети пустились бегать и скакать. Это занятие их сразу же вовлекло в самую середину огромного сугроба. Фиалка вынырнула из него, похожая на белого зяблика, в то время как Пион с раскрасневшимся лицом всё ещё в нем барахтался. Ну и весело же им было! Взглянув на детей, резвящихся в занесенном снегом саду, вы подумали бы, что страшная и безжалостная метель только для того и разыгралась, чтобы приготовить новую игрушку для Фиалки и Пиона, и что сами они, как полярные птицы, сотворены, чтобы наслаждаться бурей и радоваться белой пелене, окутавшей всю землю.

Наконец, когда дети забросали друг друга снегом с ног до головы, Фиалка, добродушно посмеявшись над видом малыша Пиона, вдруг воскликнула, как бы пораженная внезапной мыслью:

- Ты был бы совершенной снегурочкой, если бы только твои щёки не были такими красными. Что я придумала! Давай вылепим из снега человечка, маленькую девочку - это будет наша сестричка, она будет играть вместе с нами всю зиму. Правда, чудесно?

- О да! - закричал Пион; он выразил свой восторг настолько недвусмысленно, насколько мог, ибо он был ещё очень-очень маленьким. - Это будет чудесно! И мы её покажем маме!

- Да, - ответила Фиалка, - мы, конечно, покажем маме незнакомую маленькую девочку, но только пусть она не заставляет её входить в теплую гостиную: ты ведь знаешь, наша маленькая снежная сестричка не вынесет тепла.

И тотчас же они приступили к работе и стали лепить снежную девочку, которая могла бы играть с ними; и мать их, которая сидела у окна и невольно подслушала их разговор, не могла удержаться от улыбки при виде той серьезности, с которой дети принялись за дело. Казалось, они и впрямь думали, что нет ничего легче, чем вылепить из снега живую девочку. По правде говоря, если когда-нибудь и произойдет чудо, то это будет только тогда, когда наши руки возьмутся за работу под влиянием точно такого же искреннего порыва, с каким Фиалка и Пион сейчас взялись сотворить это чудо, даже не подозревая о нем. Мать думала об этом; она думала и о том, что как раз из такого чистого, только что с небес упавшего снега и можно было бы создавать новые существа, если бы он не был таким холодным.

Она ещё с минуту понаблюдала за детьми, любуясь их крохотными фигурками: Фиалка была довольно высокая для своего возраста девочка, грациозная и проворная, и краски её лица были таких нежных тонов, что она скорее походила на воплощение радостной мечты, чем на живую девочку; а Пион, наоборот, был коренаст и быстро ковылял на своих коротких крепких ножках, основательный будто слон, только не такой большой. Мать снова занялась своей работой. Что это было за шитье - я забыл: либо она приводила в порядок капор Фиалки, либо штопала чулки для маленьких крепких ножек Пиона. Однако она все время поворачивалась к окну - посмотреть, как подвигается работа у детей.

В самом деле, истинным удовольствием было наблюдать, как эти маленькие бесхитростные создания поглощены своим занятием. Более того, поражало, с каким замечательным знанием дела и ловкостью они выполняли его. Всей работой руководила Фиалка, она говорила Пиону, что ему надо делать, между тем как сама нежными пальчиками отделявала все более мелкие детали. Казалось даже, что фигуру не столько лепят дети, сколько она сама вырастает под их руками, пока они забавляются и болтают о ней. Мать это очень удивило, и чем дольше она смотрела, тем больше удивлялась.

«Какие у меня замечательные дети! - подумала она не без гордости, и эта материнская слабость вызвала на её устах улыбку. - Ну, кто из других детей мог бы сделать что-нибудь подобное? Но я должна дошить курточку Пиону; ведь завтра приезжает его дедушка, и я хочу, чтобы мальчик выглядел нарядным».

Она занялась курточкой и вскоре была снова так же поглощена шитьем, как дети - своей снежной девочкой. Но в то время как иголка сновала взад и вперед по материи, мать непрерывно прислушивалась к весёлому гомону ребячьих голосов - так ей работалось легко и с удовольствием. Дети все время болтали между собой, и языки их так же деятельно работали, как их руки и ноги. Лишь по временам могла она расслышать, что говорили дети, но её не оставляло приятное чувство, что они пребывают в самом миролюбивом настроении, довольны, веселы и продолжают лепить снежную девочку. Однако время от времени, когда Фиалке или Пиону случалось возвысить голос, слова

были слышны так отчетливо, как если бы они произносились в той же самой гостиной, где сидела мать. О, как радостно отзывались они в её сердце, хотя, по существу, в них не было ничего особенно мудреного и удивительного!

Но вы должны знать, что мать зачастую слышит сердцем гораздо больше, чем слухом; поэтому она наслаждается звуками небесной музыки, в то время как другие люди не слышат ничего.

- Пион, Пион! - закричала Фиалка брату. - Принеси-ка мне свежего снега из самого далекого угла сада - там мы ещё не затоптали его. Я хочу сделать из этого снега грудку нашей маленькой снежной сестрички. Ты знаешь, для этого нужен самый чистый снег, который только что упал с неба.

- Ташу, Фиалка, - отозвался Пион грубовато, но в то же время очень добродушно, пробираясь по полупротоптанным между сугробами тропинкам. - Вот тебе снег! Ой, Фиалка, и кра-са-ви-ца же она у нас получается!

- Да, - ответила Фиалка спокойно и задумчиво. - Наша снежная сестричка в самом деле прелесть! Прямо не понимаю, Пион, как это нам удалось вылепить такую славную девочку!

Услышав это, мать подумала: как было бы замечательно, если бы феи или, ещё лучше, ангелочки прилетели бы из рая и, незаметно играя с её малышами, помогли бы им вылепить из снега девочку с ангельским личиком. Фиалка и Пион не знали бы о присутствии своих неземных друзей, они бы только видели, что снежная девочка становится все красивее и красивее, и думали, что все это сделали они сами.

«Уж мои-то малыши достойны иметь таких друзей, если вообще дети когда-либо удостаивались такой чести», - решила про себя мать и в душе посмеялась над своей материнской гордостью.

Тем не менее эта мысль овладела её воображением; время от времени мать поглядывала в окно, словно бы надеясь увидеть златокудрых детей рая, играющих с её белокурой Фиалкой и краснощёким Пионом.

Но вот уже несколько минут нельзя было разобрать, что говорят дети. Голоса их слились в неясный шум - они в счастливом согласии работали серьезно и деловито. Душою всей затеи была по-прежнему Фиалка. Пион же действовал скорее как подручный: он таскал снег со всех концов сада, но и он, видимо, кое-что смыслил в своем деле.

- Пион, Пион, - кричала Фиалка (брат опять был в другом конце сада), - принеси-ка мне те хлопья снега, которые лежат на нижних ветвях груши! Влезь на сугроб, и тогда ты их легко достанешь. Они мне нужны, чтобы сделать локоны нашей снежной сестричке.

- На, Фиалка, - ответил малыш. - Осторожно! Так, так. Ну и красота!

- Ну, разве она не хорошенькая? - довольным тоном спросила Фиалка. - Теперь нам нужны маленькие сверкающие кусочки льда, чтобы сделать ей блестящие глазки, - девочка ещё не готова... Мама-то поймет, какая она красивая, а папа скажет: «Фу, какие глупости! Не торчите на холоде!»

- Давай позовем маму, пусть посмотрит на неё, - сказал Пион и громко закричал: - Мама! Мама! Мама! Посмотри, какую мы делаем славную маленькую девочку!

Мать отложила на мгновение свою работу и выглянула из окна. Но случилось так, что солнце - ибо это был один из самых коротких дней в году - стояло так низко над горизонтом, что его заходящие лучи светили ей прямо в глаза. Конечно, оно ей мешало, и она не могла отчетливо разглядеть, что происходит в саду. Однако, несмотря на весь этот ослепляющий блеск солнца и яркого снега, она заметила маленькую белую фигурку, которая показалась ей удивительно похожей на живую девочку. Мать видела, что дети ещё заняты работой; она и в самом деле больше смотрела на них, чем на снежную девочку. Пион носил снег, а Фиалка добавляла его к снежной фигурке так умело, как скульптор добавляет глину к изваянию.

Мать смутно различала фигурку снежной девочки; про себя она подумала, что никогда раньше не видела такой искусно сделанной снегурочки и таких прелестных детей.

«Они все делают лучше, чем другие дети, - самодовольно подумала мать. - Неудивительно, что и снегурочки у них выходят лучше, чем у других».

И мать снова принялась за работу, она очень торопилась; сумерки наступали очень скоро, курточка Пиона ещё не была закончена, а дедушка должен был приехать на поезде довольно рано утром. Поэтому все быстрее и быстрее мелькали её проворные пальцы. Дети тоже продолжали усердно трудиться в саду, и мать по-прежнему прислушивалась всякий раз, когда до неё долетали их слова. Ей было забавно наблюдать, как увлекает детей их фантазия, перемешиваясь с действительностью; они, казалось, и в самом деле верили, что снежная девочка будет бегать и играть с ними.

- Какая славная подружка будет у нас зимой! - сказала Фиалка. - Я надеюсь, папа не побоится, что она нас простудит. Ты ведь будешь нежно любить её, Пион?

- О да! - воскликнул Пион. - Я обниму её, и она будет сидеть рядом и пить со мной теплое молочко.

- Нет, Пион, - с важностью возразила сестра. - Этого никак нельзя сделать. Теплое молоко совсем не полезно для нашей сестрички. Такие маленькие снежные человечки, как она, ничего не едят, кроме сосулек. Нет, нет, Пион, мы не должны давать ей пить ничего теплого.

На какое-то мгновение наступила тишина, ибо Пион, чьи крепкие ножки никогда не знали усталости, опять отправился в конец сада. Вдруг Фиалка громко и радостно закричала:

- Пион! Скорее иди сюда! Розовое облако оставило свой отблеск на её щечках. И румянец не исчезает. Как чудесно!

- Это чу-дес-но, - ответил Пион, произнося эти три слога особенно отчетливо. - О, Фиалка! Ты только посмотри на её волосы. Они совсем как золотые!

- Ну конечно, - спокойно подтвердила Фиалка, как будто это было что-то само собой разумеющееся. - Ты знаешь, это золото на неё спустилось с золотистых облаков, там, на небе. Наша снегурочка почти готова. Но ещё нужно сделать так, чтобы у неё были красные губы, краснее, чем румянец. Может быть, Пион, они станут краснее, если мы поцелуем их?

Мать услышала звук двух звонких поцелуев, как будто дети поцеловали девочку в её замерзший ротик. Но это не помогло - губы девочки не стали достаточно красными, и Фиалка попросила её поцеловать пунцовые щечки брата.

- Маленькая снежная сестричка, - закричал Пион, - поцелуй меня!

- Как чудесно! Она поцеловала тебя, - обрадовалась Фиалка, - вот теперь губы у неё совсем красные. Она даже сама немножко покраснела.

- Какой холодный у неё поцелуй! - воскликнул мальчик.

Как раз в это время свежий западный ветер пронёсся через сад. Задребезжали окна в гостиной, и повеяло таким холодом, что мать уже собиралась постучать наперстком в окно, чтобы дети шли домой, как вдруг услышала, что они в один голос зовут её. В их голосах не слышалось удивления, хотя, очевидно, дети были чем-то взволнованы; они вели себя так, как будто были очень обрадованы каким-то событием, которое только что произошло, но которое они с твердой уверенностью ждали все это время.

- Мама! Мама! Мы уже вылепили нашу маленькую снежную сестричку, и она бежит с нами по саду.

«Удивительно, какое воображение у моих детей! - подумала мать, делая последний стежок на курточке. - Странно, что они и меня почти что превратили в такого же ребенка, как они сами. Я готова поверить, что девочка из снега и в самом деле ожила».

- Мамочка! - закричала Фиалка. - Ну посмотри, пожалуйста, какая чудесная девочка с нами играет!

Мать поддалась на уговоры - она не удержалась и выглянула из окна. Солнце уже зашло, завещав, однако, свой блеск багряным и золотым облакам, которые придают особенное величие зимним закатам. Но ни на окнах, ни на снегу не было видно ни малейшего лучика света, ни единой блески. Поэтому мать могла оглядеть весь сад и рассмотреть все и всех в нем. И что же, вы думаете, она увидела? Конечно, своих дорогих малышей Фиалку и Пиона. Да, но что или кого она ещё увидела? Поверите ли вы, если я скажу, что она увидела, как в саду вместе с её детьми играет одетая во все белое девочка с румяными щечками и золотистыми локонами? Мать не знала девочку, но та, казалось, была хорошо знакома с её детьми, как будто они втроём вместе играли всю свою жизнь. Про себя мать решила, что, это должно быть, дочь кого-нибудь из соседей и что, увидев Фиалку и Пиона в саду, девочка перебежала через улицу, чтобы поиграть с ними. Добрая женщина направилась к двери, намереваясь пригласить маленькую беглянку в свою уютную гостиную, ибо теперь, когда солнце село, на улице стало очень холодно.

Однако, открыв дверь, она помедлила на крыльце, размышляя, следует ли ей вообще приглашать девочку войти в дом или даже заговаривать с нею. Миссис Линдси и в самом деле начала сомневаться, настоящий это ребенок или хлопья только что выпавшего снега, развеваемого по саду холодным западным ветром. И в самом деле, было что-то необыкновенное во внешности маленькой незнакомки. Мать не могла припомнить, чтобы у кого-нибудь из соседских детей было такое чистое лицо с нежным румянцем, такие золотистые локоны, разметавшиеся вокруг лба и щек. А что касается её белого, подбитого ветром платья, никакая благоразумная мать не отправила бы своего маленького ребенка в самый разгар зимы гулять в чём-то столь легком и воздушном. Добрая и заботливая миссис Линдси содрогнулась от одной мысли, что девочка обута в легкие белые башмачки. И тем не менее, как ни легко была одета девочка, она, казалось, совсем не чувствовала холода и так грациозно танцевала на снегу, что кончики её туфелек едва оставляли след на его поверхности; Фиалка еле поспевала за нею, а Пион со своими коротенькими ножками и тем более.

Как-то в игре незнакомая девочка оказалась между Фиалкой и Пионом, она взяла их за руки, и трое детей весело помчались вперед. Однако почти сразу же Пион вырвал свою ручку и принялся оттирать её, как будто пальцы у него окоченели от холода. То же самое, хотя и не так быстро, проделала и Фиалка - она высвободила свою руку и важно заметила, что лучше не держаться за руки. Девочка в белом не сказала ни слова и продолжала весело танцевать, как и прежде. Если бы Фиалка и Пион не захотели играть с нею, она точно так же забавлялась бы с проворным, холодным западным ветром, который гонялся за нею по всему саду и так непринужденно обращался с нею, как будто они были давнишними друзьями. Все это время мать стояла на пороге, недоумевая, как такая маленькая девочка может быть похожа на снежный вихрь или снежный вихрь может быть так поразительно похож на маленькую девочку.

Мать подозвала Фиалку и шепотом спросила её:

- Фиалка, моя дорогая, как зовут эту девочку? Она наша соседка?

- Ну что ты, мамочка! - рассмеялась Фиалка. Ей было смешно, что мать не может понять такой, на её взгляд, простой вещи. - Это наша маленькая сестричка, которую мы только что вылепили из снега.

- Да, да, мамочка, - закричал Пион, подбегая к матери и заглядывая ей в лицо, - это наша маленькая снегурочка! Правда, она чудесная?

В это время в сад прилетела стайка белых зябликов. Они, что было вполне естественно, побаивались Фиалки и Пиона, но, как ни странно, сразу же подлетели к белоснежной девочке, начали весело порхать вокруг неё, садиться ей на плечи и вообще вести себя так, словно это их старая знакомая. И она, в свою очередь, была рада видеть этих птичек, внучат старой зимы. Девочка протягивала к ним руки, приглашая их сесть. И они, трепеща крылышками и оттесняя одна другую, попытались спуститься на её ладошки и десять крошечных пальчиков. Одна прелестная птичка прильнула к её груди, другая - к её губам. Они были счастливы и, казалось, чувствовали себя в родной стихии - такими вы можете видеть этих птичек, когда они носятся в снежном вихре.

Фиалка и Пион улыбались, видя это очаровательное зрелище; они так радовались, что их новой подружке весело с этими маленькими гостями, как будто бы сами принимали участие в этом веселье.

- Скажи мне правду, без всяких шуток, кто эта девочка? - в растерянности спросила мать.

- Мамочка, - ответила Фиалка, серьезно глядя в лицо матери и, очевидно, недоумевая, почему та нуждается ещё в каком-то объяснении. - Я же сказала тебе правду. Это маленькая девочка, которую Пион и я сделали из снега. Пион скажет тебе то же.

- Да, мама, - подтвердил мальчик. Его маленькая раздумавшаяся физиономия приняла самое серьезное выражение. - Это маленькая девочка. Правда, хорошенькая? Но, мама, у неё такие холодные ручки!

Мать не знала, что и подумать и что предпринять. В это время распахнулась калитка и появился отец Фиалки и Пиона, в пальто из толстого синего сукна, меховой шапке, надвинутой на уши, и в теплых перчатках. Мистер Линдси - человек средних лет, с утомленным, покрасневшим от мороза лицом - был безмерно рад вернуться в свой уютный дом после целого дня работы. Его глаза заблестели радостью при виде жены и детей, хотя он не мог удержаться от недоуменного восклицания, найдя всю свою семью

на улице в такой холодный день, да ещё после захода солнца. Вскоре он заметил белоснежную незнакомку, порхающую по саду, словно маленький снежный вихрь; стайка зябликов резвилась около неё, летая вокруг её головы.

- Господи Боже мой, кто же эта маленькая девочка? - спросил этот весьма благоразумный человек. - Её мать, несомненно, сумасшедшая позволить ребенку выйти в такую плохую погоду, как сегодня, в одном тоненьком платьице и таких легких башмачках!

- Мой дорогой, - ответила жена, - я знаю об этой маленькой девочке не больше, чем ты, Я думаю, что это чей-то соседский ребенок. Наши Фиалка и Пион, - добавила она, смеясь про себя оттого, что повторяет такую нелепую выдумку, - уверяют меня, что она - та самая снегурочка, которую они вылепили здесь, в саду.

Говоря это, она взглянула на то место, где дети лепили снегурочку. Каково же было её удивление, когда она не увидела там ни малейших следов столь любовно вылепленной фигурки. Ни кучи снега - ничего! Только следы маленьких ножек вокруг пустого места.

- Это очень странно, - сказала мать.

- Что же тут странного, мамочка? - спросила Фиалка. - Папа, я все тебе объясню. Это наша снегурочка, которую мы слепили с Пионом; нам хотелось иметь подружку, с которой можно было бы играть. Правда, Пион?

- Да, папа! - подтвердил покрасневший Пион. - Это наша маленькая сестричка. Разве она не кра-са-ви-ца?

Но мне стало ужасно холодно, когда она меня поцеловала.

- Что за глупости, дети! - воскликнул их добрый и честный отец, который, как мы уже сказали, склонен был все рассматривать с точки зрения здравого смысла. - Не уверяйте меня, что из снега можно делать живых людей. Пойдем, жена! Эта маленькая незнакомка не должна ни секунды оставаться на морозе. Пойдёмте в гостиную; ты дашь ей поужинать хлебом и теплым молоком. Словом, дай ей все, что нужно, чтобы согреться. А я тем временем пойду разузнаю у соседей, и, если потребуется, городской глашатай объявит по улицам о пропавшем ребенке.

С самыми лучшими намерениями этот честный и добросердечный человек собрался было подойти к белоснежной девочке, но Фиалка и Пион схватили отца за руки и принялись горячо упрашивать его не заставлять снежную девочку входить в дом.

- Папочка, - кричала Фиалка, преграждая отцу дорогу, - я тебе сказала правду - это наша маленькая снегурочка, она может жить, только пока дышит холодным ветром с моря! Не заставляй её входить в теплую комнату.

- Да, папа! - подхватил Пион, топая своей маленькой ножкой, так сильно он был раздосадован. - Это наша маленькая снежная девочка! Она не любит тепла!

- Какой вздор вы несете, дети! - воскликнул отец. Его и смешило, и раздражало в них то, что он принимал за безрассудное упрямство. - Сию же секунду отправляйтесь домой! Сейчас поздно играть в саду. Я должен немедленно позаботиться об этой маленькой девочке, не то она окончательно простудится.

- Дорогой мой, - сказала жена, понизив голос, ибо она пристально разглядывала снежную девочку и была в большом недоумении, - во всем этом есть что-то очень

необычное. Ты, пожалуй, сочтешь меня глупой после того, что я тебе скажу, но не может ли это быть какой-нибудь небесный ангел, которого умилила непосредственность и доверчивость, с какой наши дети лепили снегурочку? Разве не может он провести час своей вечной жизни, играя с такими милыми маленькими созданиями? И вот перед нами то, что мы называем чудом. Нет, нет, не смейся надо мной. Я понимаю, что это глупое предположение.

- Моя дорогая, - муж добродушно рассмеялся, - ты такой же ребенок, как Фиалка и Пион.

В известной мере это так и было, ибо всю жизнь сердце этой женщины было полно детской простоты и веры - веры чистой и ясной, как хрусталь; и, взирая на все предметы сквозь эту хрустальную среду, она иногда видела истины настолько глубокие, что остальные люди смеялись над ними как над бессмыслицей и вздором.

Но вот добрый мистер Линдси вошел в сад, не обращая внимания на протесты детей, чьи взволнованные голоса летели ему вслед, умоляя позволить снегурочке остаться в саду и резвиться на холодном ветру. При приближении мистера Линдси зяблики улетели. Маленькая белоснежная девочка также отбежала от него, качая головой, как бы предупреждая: «Пожалуйста, не трогайте меня!»- и, казалось, шаловливо увлекала его туда, где снег был всего глубже. Один раз мистер Линдси оступился и упал лицом в сугроб так, что, когда он встал на ноги, все его пальто из грубого сукна было облеплено снегом, а сам он стал похож на огромную снежную бабу. Тем временем некоторые из соседей, увидев его из своих окон, недоумевали, что заставило бедного мистера Линдси бегать за снежным вихрем, носившимся по саду то туда, то сюда. Наконец после долгих усилий мистер Линдси загнал маленькую незнакомку в угол, откуда она уж никак не могла убежать. Начинало смеркаться. Жена мистера Линдси наблюдала за ними и была очень удивлена, заметив, что снежная девочка вся сверкает и искрится и, как ей показалось, излучает какой-то особенный свет; загнанная в угол, она блестела совсем как звезда! Это был какой-то морозный блеск, как у льдинки, освещенной луной. Жене мистера Линдси казалось странным, что её муж не видит ничего необыкновенного во внешности снегурочки.

- Пойдем, странное создание! - закричал этот почтенный мужчина, хватая девочку за руку. - Наконец-то я поймал тебя! Я уведу тебя туда, где тебе будет тепло, хочешь ты этого или нет! Мы наденем пару чудесных теплых шерстяных чулок на твои замерзшие маленькие ножки и закутаем тебя в пушистую шерстяную шаль. Твой бедный носик совсем побелел - боюсь, что он совершенно отморожен. Но все будет в порядке. Идем же!

И вот с самой доброжелательной улыбкой на своём серьезном лице, покрасневшем от холода, этот исполненный наилучших намерений джентльмен взял ребенка за руку и повел его к дому. Вся поникнув, девочка неохотно ступала за ним; куда девались её блеск и сверкание, которые всего минуту назад придавали ей сходство с ясным, морозным звездным вечером, когда малиновая полоса горит на холодном горизонте! Теперь она выглядела вялой и унылой, совсем как оттепель. Когда добрый мистер Линдси подвёл девочку к дому, навстречу им вышли Фиалка и Пион.

С глазами, полными слез, которые застыли прежде, чем смогли скатиться по щекам, дети снова просили отца не заставляя девочку входить в дом.

- Не входить в дом! - вскричал этот добросердечный человек. - Ты совсем сошла с ума, моя маленькая Фиалка! И ты тоже, мой крошка Пион! Да она уже так замерзла, что

от её руки застыла и моя, несмотря на толстые перчатки. Вы что, хотите заморозить её до смерти?

Пока мистер Линдси поднимался по ступеням крыльца, его жена серьезно смотрела долгим, пронизательным, полным почти благоговейного страха взглядом на маленькую снежную незнакомку. Едва ли миссис Линдси понимала, сон это или явь; но она не могла отделаться от мысли, что видит едва заметные следы пальчиков Фиалки на шее девочки, как будто её дочь, пока лепила снегурочку, слегка прихлопывая снег рукой, забыла сгладить эти неровности.

- И всё-таки, мой дорогой, - сказала жена мистера Линдси, возвращаясь к своему предположению, что ангелы были бы так же рады, как и она, поиграть с Фиалкой и Пионом, - несмотря ни на что, она поразительно похожа на снежную девочку. Ведь я-то убеждена, что она сделана из снега!

Порыв западного ветра пронесся мимо снегурочки, и снова она засверкала как звезда.

- Из снега, - повторил добрый мистер Линдси, увлекая упирающуюся гостью на порог своего гостеприимного дома. - Нет ничего удивительного, что она белая как снег. Она почти замерзла, бедное крохотное создание. Но жаркий огонь поправит дело.

Без долгих разговоров и, как всегда, из самых лучших побуждений этот здравомыслящий человек повлек маленькую белоснежную девочку - а она совсем поникла - с морозного воздуха в свою уютную гостиную. Чугунная печка, до отказа набитая антрацитом, посылала яркий отсвет пламени через слюдяное окошечко в железной дверце и заставляла воду в горшке, стоящем на печке, булькать и кипеть. Теплый влажный воздух наполнил всю комнату. В самом дальнем от печки углу термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту. Гостиная была завешена красными портьерами, а пол покрыт красным ковром, и этот цвет, казалось, вносил в комнату ещё больше тепла. В комнате было так жарко, а за дверью так сумрачно и холодно, что попасть в комнату с улицы было все равно что очутиться сразу же после Новой Земли в самой знойной части Индии или после Северного полюса прямо в печке!

Эта гостиная была поистине самым неподходящим местом для маленькой белоснежной незнакомки!

Мистер Линдси, сей здравомыслящий человек, подвел незнакомку к коврику, как раз прямо перед шипящей печкой.

- Здесь ей будет тепло! - воскликнул он, потирая руки и поглядывая вокруг с приятнейшей улыбкой, какую вы когда-либо видели. - Чувствуй себя как дома, дитя мое!

Опечаленной и поникшей выглядела маленькая белоснежная девочка - она стояла на коврике в потоке горячего воздуха, исходившего от печки и поражавшего её, как чума. Один только раз девочка бросила тоскливый взгляд на окна и мельком увидела сквозь красные портьеры сверкание заснеженных крыш, морозное поблескивание звезд и всю удивительную бездонность холодной ночи. Ветер стучал в окна, словно призывал девочку выйти из дому. Снегурочка стояла поникшая перед горячей печкой!

Но здравомыслящий человек считал, что все в полном порядке.

- Послушай, жена, - сказал он, - дай ей шерстяные носки и теплую шаль или одеяло. Вели Доре принести девочке горячий ужин, как только вскипит молоко. А вы,

Фиалка и Пион, займите свою маленькую гостью. Она чувствует себя неуютно в незнакомом месте. Я же пойду к соседям узнать, чья она.

Тем временем мать пошла за шалью и носками, ибо, хоть её собственные воззрения и отличались деликатностью и утонченностью, она, как всегда, уступила упрямому прозаизму своего мужа. Не обращая внимания на протесты детей, которые ещё продолжали шепотом убеждать его, что их маленькая сестричка не любит тепла, добрый мистер Линдси ушел, тщательно закрыв за собой дверь гостиной. Подняв воротник пальто, он вышел из дому, но едва дошел до садовой калитки, как его остановили крики Фиалки и Пиона и постукивание наперстка жены по стеклу окна.

Миссис Линдси звала его, высунувшись из окна; лицо её было искажено ужасом.

- Незачем ходить за родителями ребенка!

- Мы же говорили тебе, папа! - кричали Фиалка и Пион, когда мистер Линдси снова возвратился в гостиную. - Ты заставил её войти, а теперь наша бедная... дорогая... прелестная сестричка рас-та-я-ла!..

Очаровательные личики детей так были залиты слезами, что отец, видя, какие странные вещи иногда творятся в жизни, стал не на шутку опасаться, как бы сам он и его дети тоже не растаяли.

В совершенной растерянности он потребовал объяснений у жены.

Та только смогла ответить, что когда она вошла в гостиную, привлеченная криками детей, то не обнаружила никаких следов пребывания маленькой девочки, кроме кучки снега, который, пока она смотрела на него, совершенно растаял на коврике.

- Вот ты видишь все, что осталось от неё, - добавила она, указывая на лужу воды перед печкой.

- Да, папа, - сказала Фиалка, укоризненно глядя на отца сквозь слезы. - Это все, что осталось от нашей дорогой девочки.

- Гадкий, злой папа! - кричал Пион, топая ножкой и (мне страшно говорить об этом) потрясая своим маленьким кулачком перед лицом этого здравомыслящего человека. - Мы же сказали тебе, что так и случится. Зачем же ты привел её сюда?

И чугунная печь сквозь слюдяной глазок своей дверцы, казалось, пристально смотрела на доброго мистера Линдси, как красноглазый демон, ликующий при виде совершенного им зла.

Заметьте, это был один из тех редких случаев - такие всё же случаются, - когда здравый смысл потерпел крах. Замечательная история о снегурочке - хотя той категории проникательных людей, к которой относится и добрейший мистер Линдси, все это может показаться всего лишь детской забавой - тем не менее, таит в себе много поучительных вещей. Один из выводов, который можно из неё сделать, состоит в том, что всем людям, и особенно людям с добрым сердцем, надлежит обдумывать то, что они собираются делать, прежде чем браться за осуществление своих филантропических замыслов; что надо быть совершенно уверенным в том, что ты постиг Природу и сложные взаимные связи того дела, за которое ты берешься. Надо помнить, что то, что здорово одному, может быть совершенно губительно другому, точно так же как тепло гостиной, подходящее для обычных детей из плоти и крови - таких, как Фиалка и Пион, - хотя, безусловно, и для них не слишком полезное, не принесло ничего, кроме вреда, бедной снегурочке.

Но разве можно научить чему-нибудь мудрецов такого склада, как добрейший мистер Линдси? Они всё знают - можете быть уверены! Всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет. И столкни их природа или судьба с чем-нибудь необычным, чем-то, выходящим за пределы их привычных представлений, они не заметят этого, даже если это произойдет перед самым их носом.

- Моя дорогая, - сказал мистер Линдси после минутного молчания, - посмотри, сколько снегу нанесли дети на ногах. Целая лужа перед печкой. Пожалуйста, вели Доре принести тряпку и вытереть пол.